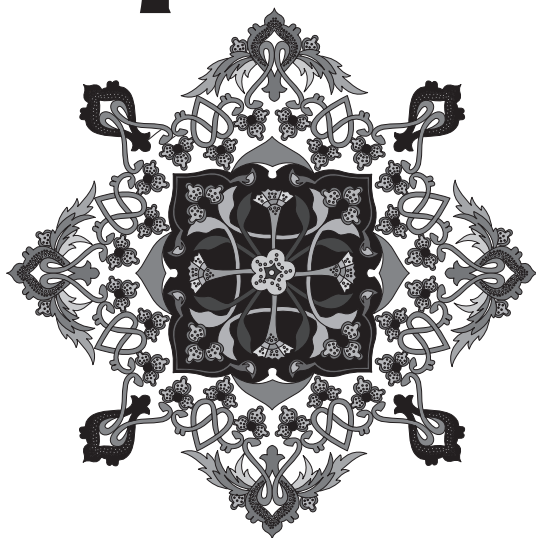

ЦИКЛ
Ярослава Коваля
ПРИНЦ
Злое наследие

Ярослав Коваль

Принц

Злое наследие

Москва
Издательство АСТ

ББК 84(2Рос=Рус)6-445
К56

Оформление обложки В. Гуркова

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Коваль Я.

К56 Принц: Злое наследие. — Москва: Издательство
АСТ, 2016. — 384 с.

ISBN 978-5-17-094622-8

Король умер, не оставив завещания. Это произошло впервые за много столетий. Наследники трона Двух миров и почти божественной власти — а кто от такой откажется? — в один миг забывают о существовании каких бы то ни было проблем, отягощающих государство и требующих незамедлительного решения. Их волнует только один вопрос: кто имеет больше прав на корону, кто сможет это доказать? Они не спешат предоставлять право выбора нового короля Храму, как это и положено делать в подобных случаях. Каждый из них уверен, что лучше знает, кто будет самым удачным выбором.

Сыновья и дочери покойного короля сами не замечают, как их втягивает в чудовищное политическое и военное противостояние — всех против всех. Они слишком поглощены спором, им не до того, что половина королевства вот-вот будет захвачена ордами бестий из Тусклого мира. И, конечно, наследники трона не могут знать, что скоро у них появится ещё одна очень серьёзная проблема.

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Коваль Я., 2015
© ООО «Издательство АСТ» 2015
© Издательский дом «Ленинград»
оформление, 2015

ISBN 978-5-17-094622-8

Глава 1

Лучезарный

Едва ли ещё где-нибудь во вселенной отыскался бы город столь же прекрасный. Не зря его назвали Лучезарным — так прежде именовался крохотный полуостров, колыбель высокой магии, а теперь имя по праву носил весь мир. Первые камни в опоры здешних дворцов и укреплений заложили ещё до того, как зародилась первая королевская династия, крепости и замки выросли на фундаментах, осенённых чародейской благодатью. В прежние времена магия сформировала сами основы трёх миров, а теперь поддерживала населяющие их народы.

Когда-то на строительство города брали местный камень: уникальный белый гранит и мрамор. Позднее стали пользоваться и привозным, но уже вполне сознательно старались подбирать самые светлые материалы, даже для кварталов, населённых беднотой. Традицию главного чародейского города переняли и другие. Теперь Лучезарный переливался всеми оттенками света, он сиял под чистым взглядом солнца так, что иной раз даже глазам было больно. А ведь солнце здесь светило часто, ясных дней в году было намного больше, чем туманных или пасмурных.

Погода на столичном полуострове почти всегда стояла прекрасная, а иногда, как в этот день — так и просто изумительная.

Утро давно перетекло в день, но для высокой аристократии время идёт совсем иначе, и жизненный цикл солнца ей не указ. Так что завтрак был подан примерно в то время, когда у работяг Опорного мира уже принято обедать. Однако кого в столь высоких сферах это могло смутить или хотя бы заинтересовать? Разве что прислугу, но та умела держать при себе суждения о хозяевах. Бренные земли горним высям не указ, а представителям королевской семьи вообще может отдавать распоряжения только сам король. Которого больше нет.

Король умер и с соблюдением должных церемоний был погребён в мавзолее. К концу года по нему должны были отслужить всё положенное. Мёртвому достанутся высокие почести, потому что он был великим и могущественным правителем. Живым же полагалось жить дальше — и решать, кто станет следующим королём.

Сложная задача.

Ианея дождалась, когда слуга разольёт чай по чашкам, и движением пальцев велела ему идти прочь.

— Здесь слишком много корицы, — пожаловался Гадар, попробовав первый ломтик пряной булочки.

— Я думала, ты хочешь побеседовать, а не наедаться.

— Именно так. Но не значит же, что я должен есть всякую мерзость. Скажи, пусть принесут другое.

Лицо девушки дрогнуло, однако она не стала спорить, снова позвала прислугу, и на стол подали другую выпечку. А ещё ягоды, которые не успели принести раньше. Взгляд Ианеи пообещал челяди взыскание за нерасторопность. Ей снова пришлось ждать, пока слуга закончит сервировать стол и удалится. Не была б госпожа так уверена в себе и своём положении, запоздорила бы, что эту медлительность демонстрируют

ей назло. В действительности, скорее всего, тут было повинно обыкновенное, чисто человеческое любопытство.

— Прошу, рассказывай, — произнесла она, когда их с собеседником наконец оставили вдвоём.

— Я хотел рассказать, о чём Аранеф говорил со старшими чародеями-служителями. Беседа у них получилась долгая и содержательная.

— Чародеи всё-таки решили провести церемонию?

— Да. Провели. И сообщили, что вынуждены отложить высший выбор, поскольку один из возможных претендентов на трон находится не в Лучезарном. Так что трудно сказать, когда у нас снова будет король.

— Служители, вижу, сообщили только то, что нам и без них известно. Один из наследников в чреве матери — значит, конечно, пока не в Лучезарном. Кто должен родиться у мачехи — они сказали?

— Сказали, что последний претендент — мужеска пола. Значит, родит мальчика.

Ианея стиснула губы и посмотрела на брата таким взглядом, словно он лично был виноват во всём. Но Гадар перчатку не поднял.

— Результат обряда был предопределён. Какой смысл проверять и перепроверять, пока мачеха не родила?

— Она что-то слишком поздно сообщила о беременности. Буквально накануне назначенной было церемонии высшего выбора. Возникает вопрос, что за игру она затевает. И беременна ли она вообще.

— Никаких вопросов. Врачи подтвердили её положение, а подкупить их всех даже самому богатому торгашу было бы не под силу. Мачеха, конечно, просто собиралась с духом, с мыслями. Силы подсчитывала. Она ведь объявила и о беременности, и о претензиях

на регентство. Такие объявления не делаются с ходу, без серьёзной оценки положения.

— Объявила не она.

— Да, её отец, то есть всё их семейство, по сути. Ну и что? Это не имеет значения.

Гадар выразил лицом крайнюю степень безгливости.

— Аранефу давно пора указать ей на её место. И всему их семейству тоже. Она всего лишь одна из жён короля, и только. Какое ещё может быть регентство?!

— Никакого, разумеется. Но и права Аранефа тоже ведь не безусловны. Он не старший.

— Старшие дети короля рождены вне брака. Из законных сыновей старший — Аранеф.

— Оба старших были признаны по всем правилам. А значит, они законные дети, хоть и внебрачные. Ты ведь помнишь, что королевская семья живёт по своим законам. Выбор осуществляется среди всех признанных детей короля, вне зависимости от того, кто в каком порядке и при каких обстоятельствах родился. Без разбора, у кого какая была мать.

— Я всегда говорил, что этот древний закон давно устарел. У короля должно быть безупречное происхождение, я считаю. Уверен, если бы отец написал завещание, он назвал бы наследником именно Аранефа.

— Но отец же не написал.

Они помолчали, благовоспитанно допивая чай. Гадар становился всё более хмурым.

— Мачеха будет упорствовать до конца, ведь отсутствие завещания действительно выглядит странно. Она утверждает, что это свидетельствует в её пользу. Якобы король хотел сделать наследником именно её сына, потому и ждал, когда она родит.

— Я уже говорила — чушь! Она слишком высоко себя ставит. Говорят, отец был с ней очень холоден последние месяцы. Аранеф как-то высказал мнение, что она могла убедить отца подождать с завещанием под каким-то надуманным предлогом...

— Ты считаешь, что мачеха могла повлиять на отца в таком важном вопросе, но при этом уверена, будто она для него ничего не значила? Противоречишь сама себе.

— Не противоречу. Как женщина я отлично знаю, на что способна женщина. И это, считаю, её преступление — да, преступление! — против Лучезарного. Она должна за него ответить.

— Если мачеха способна была влиять на отца, значит, она могла в его глазах быть матерью будущего наследника. Он должен был очень любить её, чтоб уступить в таком важном деле...

— Не верю.

— Не хочешь верить.

— Да. Не желаю даже умозрительно представить эту змею благословенной матерью. Она просто злобная смазливая дура. Кого она может родить? Кого воспитать? Лучезарный только и мечтал о сыне подобной матери в роли короля!

— Её сын в первую очередь будет сыном короля. Полноправным наследником.

— Значит, ты не против, чтоб корона оказалась на голове последыша этой девицы, а власть — в её руках?

— Разумеется, против. — Голос Гадара стал надменно-ледяным. Не так уж часто с ним случались приступы царственности, и были они на вес золота. — Я ненавижу эту выскочку и всё её наглое семейство. Достаточно посмотреть, как они себя держат, чтоб понять, как мало стоит она сама. Ни капли благородной

крови в жилах, этим всё сказано. Но ты ведь знаешь, что женщина рождает от короля ребёнка, только если их связь подкреплена глубоким чувством с его стороны. Раз мачеха беременна, значит, отец её любил.

— Он не мог любить это ничтожество! Допустим, его увлекла её смазливость, но любовь-то при чём?

— Всё на свете возможно. Вот факт: её беременность. Есть и другие факты, их следует учитывать. Прикажи слугам налить мне вина, и я продолжу, если пожелаешь.

— Вино — утром?

— Да, утром. Я пью красное, и только для здоровья. Прикажи, не самому ж мне наливать. На подобные темы трудно говорить без бокала в руках... И обойдись без ехидных намёков, будь любезна. — Дождавшись, когда слуга удалится, унося полупустое блюдо и не нужную больше грязную чашку, пригубил напиток. — Согласен в одном — очень странно, что отец не оставил завещания. Ему было из кого выбирать, хотя он и избегал кому-то оказывать предпочтение. Нет, в действительности я не верю, что какая-то женщина, пусть и самая любимая, могла повлиять на него настолько, чтоб он оставил судьбу Лучезарного на откуп Пламени, хоть даже и божественному. У отца, конечно, были веские причины медлить. Либо он что-то знал, либо был уверен, что останется в живых, либо и то и другое.

— Однако ты прав, его поступок оказался на руку Алкеде! Только так её нерождённый сын получил хоть какой-то шанс. Думаешь, это случайность? Уверена, она приложила к случившемуся руку.

— То, что ей это выгодно — не аргумент. Ты ведь помнишь, каким был отец. Им никто не сумел бы играть, а мачеха же слишком глупа для сложных ин-

триг. При первой же попытке она обломала бы зубы об супруга.

— Значит, не столь уж она и глупа. По какой же причине, ты считаешь, отец мог оставить королевство без завещания?

— Не знаю. Уверен, что причина была, и если бы мы её узнали, многое бы прояснилось. В качестве гипотезы: ты же знаешь, что высшая магия Лучезарного открыта только королю. Возможно, причиной отсутствия завещания стали соображения магического порядка.

— Это какие, например?

— Когда государству угрожает опасность, дать ему магическую защиту могут все представители королевской семьи, объединив усилия. Мог ли отец думать об этом? Считаю, что мог. Допустим, он полагал, что отсутствие твёрдого решения сплотит семью?

Ианея ничего не ответила. Она смотрела в сторону, и солнечные лучи, которые пробивались сквозь полог из живых виноградных листьев, украдкой оглаживали её изящные щёчки и крохотный подбородок. Старшая дочь третьей по счёту жены покойного короля не могла похвастаться совершенством тела и лица, но за долгие годы смогла превратить себя в произведение множества искусств, созданных, чтоб силком улучшать человеческую природу по человеческому же разумению.

Всё во внешности принцессы было доведено до абсолюта: манеры, умение держаться, одеваться, презентовать себя окружающим, а об уходе за собой и говорить не приходилось. Иногда её брату начинало казаться, что сестра столь сдержанна в жестах и мимике даже не потому, что таково требование хорошего тона, а с обдуманной целью — ничем не повредить сокровищу, которым является её внешность. Он, как мужчина,

конечно, не знал большинства тонкостей, но смутно догадывался, что резкий взмах руки или неосторожное прикосновение к лицу могут свести на нет труд множества рук, множество потраченных часов.

Однако в этих сковывающих рамках принцесса вполне освоилась и существовала более или менее непринуждённо. Она более всех в семье достойна была олицетворять собой высшую аристократическую добродетель и власть. Но сложно было предположить, на что ещё, кроме как выглядеть, она окажется способна. Гадар время от времени пытался отгадать, действительно ли сестра всерьёз примеривается к трону, однако, сочтя само предположение сомнительным, решил пока воздержаться от выводов. Что поделать, если в этом вопросе даже родные брат и сестра предпочитали не раскрываться друг перед другом.

— Я пытаюсь понять, — произнесла Ианея, — сколько шансов у её сына, при условии, что она права, и отец действительно предполагал назвать наследником кого-то из её детей?

— Столько же, сколько у остальных.

— Ты уверен?

— Настолько, насколько вообще в чём-то можно быть уверенным, — удивился принц.

— Считаешь, что мнение отца теперь уже ни на что не повлияет? Напомню: магия была в его руках до самой его смерти. И в тот момент, когда он понял, что умирает, был ещё способен на последнее действие. Дух короля претворяется в Пламя. Может быть, он и в таком состоянии может сделать единственно правильный выбор. Или именно так и собирался поступить с самого начала?

— Прости, но вопросы религии разумнее оставить служителям. А это ведь именно они. Даже если и так,

то в Столпе ведь сейчас претворён не только дух нашего отца. В нём — все наши предки. Они все будут выбирать нового короля Лучезарного, и воля отца будет лишь одной из многих.

— Алкеда бы сказала, что год ещё не прошёл, и король ещё с нами. Она именно так и говорит.

— Нашла кого повторять. — Гадар отвернулся.

— Я думаю о том, что разумно было бы пойти на отсрочку высшего выбора, тем более что есть не только повод, но и причина. Поговорить бы об этом с Аранефом. Я справлялась с книгами законов и просила пояснений у чародеев-законоведов. Если в течение двух лет кто-то из претендентов на трон не заявит о своих правах, магия исключит его из общего числа наследующих. Уверена, Алкеда никогда не снизойдёт до старых книг. Она не из тех женщин, кто обращает внимание на подобные тонкости. И это наш шанс сделать её вместе с её сыном безопасной для нас. И для трона.

— Ты имеешь в виду, что с новорожденным это получится само собой?

— Именно так. И именно с ним. Король должен вступать на трон, будучи дееспособным, я так считаю. Зачем Лучезарному король-младенец? Ещё если б у Пламени не было выбора, можно было б понять. Но выбор есть.

— Думаю, в случае подобной отсрочки из круга претендентов будет выключен не только младший сын короля, но и все наши сёстры. Ты — в том числе.

— Это ещё почему?

— Помнишь, что говорил Бовиас? Сын герцогини Овеяния?

— Я помню всех братьев, — отрезала Ианея. — Зачем было уточнять? И какие именно его высказывания ты пытаешься мне напомнить? По поводу того,

что у Лучезарного может быть только король, но уж никак не королева? Но разве его мнение более весомо, чем закон? Книги говорят, что королю наследуют все его дети, без различия пола.

— И возраста.

— Это другое. Любая из наших взрослых сестёр способна действовать. В отличие от младенца.

— Ты пристрастна. Видишь то, что хочешь видеть, и вспоминаешь о том, что хочешь помнить. А правителю надо точно оценить настоящую ситуацию.

— В чём же я пристрастна? Закон признаёт меня такой же наследницей отца, как ты, Аранеф или Бовиас. Я не отказываюсь от своих прав.

— Мало это произнести. Нужно ещё тем или иным способом утвердить свою власть. Но ни у кого из сестёр нет своих владений. У тебя их тоже нет. Значит, чтоб оказаться в числе претендентов, тебе нужно получить в распоряжение графство или хотя бы крохотное баронство какое-нибудь. Распределять земли может либо король, либо регент. Так что же? Ты сейчас будешь стоять за обсуждение кандидатуры регента?

— Пожалуй, ты прав...

— Это, между прочим, окажется на руку Алкеде.

— Я поддерживаю кандидатуру Аранефа — на моих условиях, конечно. Пусть он даст мне хорошие земли, и тогда...

— Аранеф ничего тебе не даст. Ты же знаешь. Зачем ему умножать число претендентов, если так просто будет этого избежать?

Взгляд Ианеи стал жёстким, да и без того было ясно: она что-то задумала. Однако, не сказав ни слова, молча поднялась и подошла к балюстраде террасы, едва ли смущая себя тем, что теперь волны солнечного света окатывали её с головы до ног. Мраморнокожую,

её, как и всех представителей королевской семьи, совсем не брал загар. А особенная белизна её лица, конечно, какой-то особенный дамский секрет.

Вилла, к которой примыкала эта просторная терраса, держалась на склоне горы, чуть ниже королевского дворца, царствовавшего тут надо всем. Ниже развернулась зелень рощ и фруктовых садов, очень много великолепной, щедрой зелени, и узкая полоска города, и лёгкие причалы для яхт. И море, сияющее, как целый мир расплавленного серебра. Здесь было столько света, что иной раз становилось трудновато дышать. Свою лепту вносила и магия, которая зародилась на столичном полуострове в давнюю догосударственную эпоху и с тех пор только крепла. Лучезарный город, столица королевства, по-прежнему был её средоточием и символом. Магии здесь жило так много, что сам воздух, казалось, отливает золотом.

Правда, мало кому удавалось это оценить, потому что местные жители давно привыкли, а гостей из Опорного мира тут почти не бывало. Даже прибывающих на празднества правящих князей не допускали дальше Старшего храмового комплекса в Велле и тамошних гостиниц, а торговцы вообще обделывали свои дела строго на границе двух миров.

— Ты должен мне помочь, — сказала Ианея.

— Всё, что смогу. Ты же знаешь.

— Мне нужны войска. Ты можешь мне их дать.

Считаю, что одного хорошего отряда будет достаточно.

— Войска? — Гадар вздрогнул, дрогнула и его рука, и на пронзительно-снежной скатерти остался след от вина. — С кем, во имя короны, ты собралась воевать?

— Собственно, ни с кем. Вернее сказать, считаю, что не придётся. Если твои войска от моего имени